

УДК 1

О значении морального фактора в социально-политических трансформациях эпохи перестройки

Коваленко Светлана Геннадьевна

Кандидат исторических наук,
Отдел социально-политических исследований,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Пушкинская, 89;
e-mail: ostina@list.ru

Поповкин Андрей Владимирович

Кандидат философских наук,
Кафедра философии ДВО РАН,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Пушкинская, 89;
e-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Аннотация

В современных оценках причин, вызвавших реформы СССР, названные Перестройкой, внимание исследователей сосредоточено на экономических и политических факторах. Однако очевидцы тех событий помнят, что не меньшее влияние оказывали моральные запросы и ожидания общества. Советская система в эпоху Перестройки переживала не только экономический, но и моральный кризис. Этот значимый фактор почти не принимается в расчет большинством современных исследователей. Для лучшего понимания событий тех лет авторы настоящей статьи обращаются к философской традиции осмысления морального измерения в политике. За основу берется тезис В.С. Соловьева о взаимосвязи этических норм общества и принципов принятия политических решений властями. Можно утверждать, что жизнь советского общества накануне Перестройки определялась не только и не столько марксистскими идеями, сколько специфическим «советским гуманизмом», который был ярко выражен в произведениях эстрады и творчестве бардов. Кризис Перестройки был не только кризисом советской экономики и советской власти – партийной номенклатуры. Это был и глубокий внутренний кризис «советского гуманизма». Понимание этого крайне важно для текущего состояния России. Отсутствие консенсуса в обществе относительно моральных норм, особенно в вопросе

соотношения личного и общественного блага, означает отсутствие твердых оснований стабильного развития государства и общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Коваленко С.Г., Поповкин А.В. О значении морального фактора в социально-политических трансформациях эпохи перестройки // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 1А. С. 129-141.

Ключевые слова

Перестройка, философия морали, реформы, социализм, властные элиты.

Введение

В современной историко-политической мысли господствует объяснительный подход, опирающийся на представление о политике как форме реализации (удовлетворения) интересов, стоящих у власти групп. Этот подход, берущий свое начало у Макиавелли, развивался в трудах К. Маркса [Маркс, www], В. Паретто, Г. Моска. Р. Михельса и др. Нам представляется, что такой подход, назовем его «политикой интереса», как минимум, не позволяет реконструировать историческое событие во всей полноте, увидеть все его причины. Дело в том, что еще Аристотель предложил совершенно иное обоснование политики, определив ее как деятельность, направленную ко всеобщему благу. И если мы внимательно и непредвзято посмотрим на политические процессы, особенно в их острой, критической фазе, такой как война, революция или, предлагаемая нами к рассмотрению Перестройка, то мы увидим, что эта направленность ко благу, а лучше сказать, стремление реализовать некий идеал, является не менее мощным фактором, чем любые материальные интересы. В самом деле, как бы ни стремились некоторые прагматики видеть во всем денежный интерес, совершенно очевидно, что ради него никто не пойдет умирать в окопах или на баррикадах. Убивать за деньги, возможно, и найдутся охотники в нужном количестве, но вот умирать – нет, поскольку это бессмысленно. Для того чтобы народные массы пошли умирать или согласились длительно терпеть большие лишения, нужно то, что дороже жизни, что не потеряет ценности после смерти индивида. Таковой может быть только идея.

Моральный фактор значим и в построении той или иной модели экономических отношений, что убедительно показал М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» [Вебер, 2002]. В настоящее время принято рассматривать идеи Вебера не как опровержение концепций Маркса, а как их дополнение: с одной стороны, экономические отношения действительно влияют на устройство общества, но с другой — господствующие духовные ценности могут оказывать существенное влияние на исторический процесс смены экономических отношений.

В практическом плане недостаточность подхода, концентрирующегося только на анализе баланса интересов (экономических, элитарных, политических), приводит к управленческим просчетам, каковыми были попытки транспонировать на Россию либерально-капиталистическую модель. Не последнюю роль в их провале сыграло этическое отторжение у большей части населения примата ценности личного обогащения. Ведь если в протестантской этике господствует идущий от Кальвина принцип «успех в работе – признак богоизбранности», в результате чего люди экономически успешные получают еще и нравственный авторитет, то в российской культуре личное богатство и нравственный уровень человека, в лучшем случае никак не связаны, а в худшем – рассматриваются как антиподы.

В русской мысли значение морального фактора в политике, пожалуй, более всего привлекало внимание славянофилов. Западный колониализм, достигший своего расцвета в XIX веке вызывал с их стороны справедливую критику. В том числе и за потребительское отношение «цивилизованных» народов к «варварам». Русский философ В.С. Соловьев справедливо указывал на проистекающую из этого опасность для самой европейской цивилизации: «Не должно себя обманывать: бесчеловечие в международных и общественных отношениях, политика людоедства погубит в конце концов и личную, и семейную нравственность, что отчасти уже и видно во всем христианском мире. Человек все-таки есть существо логичное и не может долго выносить чудовищного раздвоения между правилами личной и политической деятельности» [Соловьев, 1989, 65-66]. Конечно, аргументация русского философа не до конца убедительна, ведь в тех же произведениях Р. Киплинга «бремя белого человека», а соответственно и весь британский колониализм, выступает именно как моральная обязанность. С другой стороны, правота В.С. Соловьева бесспорна в том отношении, что нравственное сознание общества и проводимая государством внешняя политика неизбежно стремятся к единству оснований. Поэтому отказ видеть полноценных людей в «дикарях» рано или поздно приведет к обезчеловечиванию и самого «цивилизованного» общества, как это было в нацистской Германии. Иными словами, признание и учет морального фактора, как в политической практике, так и в ее анализе будет логически последовательным ходом.

Попробуем теперь в первом приближении рассмотреть вопрос действия морального фактора в ряду причин, которые привели СССР к Перестройке. В настоящее время здесь явно доминирует «экономический» [Бессонова, 1994, 37-48] и «элитарный» [Крыштановская, 2005; Крыштановская, 1995] подходы. А именно: считается, что Перестройка явилась следствием экономической слабости СССР, падения цен на нефть и внутрипартийной борьбы номенклатуры. Однако не следует забывать, что в период этих реформ реальной политической силой стало советское общество. Лейтмотивом его действий был поиск справедливости и свободы.

Перестройка как движение к идеалу

Моральный фактор во внутренней политике явственно прослеживался и во властном дискурсе элит. Так, М.С. Горбачев считал, что социалистический потенциал в СССР раскрыт ещё не полностью и поэтому этическим лейтмотивом при проведении реформ стал призыв к его совершенствованию. В своей речи руководитель государства подчеркнул: «Мы об этом говорили и должны повторить еще раз сегодня: на определенном этапе страна стала терять темпы движения, начали накапливаться трудности и нерешенные проблемы, появились застойные и другие чуждые социализму явления. Все это серьезно сказывалось на экономике, социальной и духовной сферах. При выработке политики и в практической деятельности возобладали консервативные настроения, инерция, стремление отмахнуться от всего, что не укладывалось в привычные схемы, нежелание решать назревшие социально-экономические вопросы. За все это, товарищи, руководящие органы партии и государства несут ответственность» [Из доклада..., 1987, 1-2]. То есть, все несовершенства советской системы списывались на то, что имеющееся социальное устройство не соответствует своему идеалу. Более того, даже экономические реформы, такие как развитие большей самостоятельности предприятий, повышение зарплаты, развитие кооперативного движения, осмыслились обществом в терминах справедливости [Ильиченко, 2008]. Во власти с такой постановкой проблемы были согласны далеко не все. Выявились серьезные разногласия между М.С. Горбачевым и одним из его ближайших сподвижников Е.К. Лигачевым. Последний стал выражать несогласие с характером и размахом проводимых реформ.

Расхождения между ними были и по поводу оценки т.н. «белых пятен» в советской истории. Это касалось восстановления исторической справедливости по отношению к сталинскому времени. В своём докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается» на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховных Советов СССР и РСФСР, посвященном 70-летию Октябрьской революции, Горбачёв отметил: «Но процесс восстановления справедливости не был доведен до конца и фактически приостановлен в середине 60-х годов. Сейчас в соответствии с решениями октябрьского (1987 г.) Пленума ЦК приходится вновь возвращаться к этому. Политбюро ЦК создало комиссию для всестороннего рассмотрения новых и уже известных ранее фактов и документов, относящихся к этим вопросам. По итогам работы комиссии будут приняты соответствующие решения» [Горбачев, 1987].

В ответ на это 13 марта 1988 г. газета «Советская Россия» поместила статью (письмо) ленинградской преподавательницы химии Н. Андреевой под заголовком «Не могу поступиться принципами». Статья, как полагают исследователи [Бурлацкий, 1996], была напечатана по прямому указанию Е.К. Лигачева. Суть публикации была в том, что автор Н. Андреева открыто защищала И.В. Сталина, а авторов антисталинских произведений (драматурга М. Шатрова, писателя А. Рыбакова и др.) называла «фальсификаторами истории», которые за-

имствовали у Запада свою антисоциалистическую концепцию «гласности», чтобы подвергнуть полному пересмотру историю партии и советского общества. Письмо было напечатано целым рядом центральных газет. Только 5 апреля «Правда» опубликовала редакционную статью, в которой содержалась критика положений, выдвинутых Н. Андреевой.

Диалог общества и власти также концентрировался вокруг справедливости. Так, многочисленные обращения граждан в органы власти изобилуют пожеланиями, чтобы реформы помогли добиться большей справедливости на предприятиях. Причём речь идёт не только о повышении зарплаты и расширении других социальных благ, но и о том, что «...может быть, наконец, будет все по-другому, по-правильному».

Даже в официальных документах делался упор на справедливость. На Апрельском (1985 г.) пленуме ЦК КПСС был провозглашён курс на «ускорение социально-экономического развития» страны. Ключевыми фразами политического лексикона Горбачева стали: повернуть экономику к человеку, создать достойные условия труда и жизни советских людей, переориентировать экономику на социальные нужды народа, сделать все для социального развития села, создать нормальные условия жизни для сельского труженика, повысить жизненный уровень большей части населения, обеспечить каждую семью квартирой или домом к 2000 г., заботиться о ветеранах войны и труда, сократить управленческие расходы, установить полнокровный социалистический рынок, создать правовое социалистическое государство, обновить национальную политику и т.д. [Материалы Пленума..., 1985].

Нравственные идеалы эпохи Перестройки на ранних этапах не представляли собой чего-то революционного. Перестройка мыслилась, скорее, как возвращение к корням социалистического строя. Ключевыми ценностями здесь выступали право каждого человека на достойную жизнь и равенство в распределении благ. Новым мотивом, внесенным Перестройкой, стала борьба с уравниловкой, причем она тоже осмыслялась общественным сознанием как реализация социалистического принципа «От каждого по способностям, каждому – по труду».

Однако в силу ряда причин, в числе которых можно назвать легитимацию частного предпринимательства в форме кооперативного движения, экономический кризис в стране, приведший к росту дефицита и т.д., другие проблемы достижения общественного блага сдвигались в индивидуальном сознании советских людей на второй план. Под вопрос оказалась поставлена одна из базовых моральных максим советского общества – примат общественного над личным.

Кризис «советского гуманизма»

Нельзя сказать, что советская общественно-политическая и философская мысль оказалась бессильна перед этой проблемой. Приведем пример из работы В.Н. Сагатовского, философа позднесоветского периода: «...развитие личности – и цель нашего общества, и

средство, условие его собственного развития. И, наоборот, для коммунистической личности развитие общества не только средство, условие для ее всестороннего развития, но и цель, ибо без удовлетворения общественных интересов жизнь такого человека теряет смысл. Следовательно, и общество и человек одновременно выступают друг для друга и средством и целью. Ни одна из сторон не насилует интересы другой, поскольку они органически совпадают в главном» [Сагатовский, 1972, 75-76]. Как видим, предложенное решение баланса личного и общественного вполне логично и могло бы быть привлекательным, но был еще один фактор, уловить который исследователям, мало знакомым с жизненным миром позднего СССР, очень трудно. Условно его можно назвать «советским гуманизмом». Самым ярким его выразителем стало массовое искусство, особенно советская эстрада. Действительно, если послушать песни 80-х годов XX века, то мы услышим, что большинство из них посвящено жизненному миру человека, его мечтам, переживаниям, надеждам и стремлениям. К таковым можно отнести песни советских бардов, таких как Булат Окуджава и Владимир Высоцкий, эстрадных исполнителей – Анны Герман, Аллы Пугачевой (советского периода), дуэта Никитиных и др. Были, конечно, и «идеологически верные» бравурные произведения, но они существовали как бы параллельно. В каком-то смысле этот «советский гуманизм» пронизывал все сферы жизни, но он был, говоря словами Ницше «человеческий, слишком человеческий». В своей человечности в лице советских интеллигентов этот гуманизм дошел до абсурда и самоотрицания, что прекрасно выразил ряд советских режиссеров и, особенно ясно, В. Цой в своей знаменитой песне, своего рода гимне Перестройки: «Перемен, мы ждем перемен...».

Причины такого перерождения видятся в двух факторах. С одной стороны советский человек вынужден был существовать в условиях социалистического строя под лозунгом примата общественного над личным, приспосабливаться к нему, демонстрировать свое согласие, тогда как порой советский же гуманизм, в силу жизненных обстоятельств, входил в острое противоречие с этим лозунгом. С другой стороны, попытки человека поставить себя в центр собственной системы ценностей, пусть и абстрактно, в форме идеи человечности, стремления «жить по человечески» (остроумно высмеиваемые в комедиях Гайдая) потерпели крах из-за «неустойчивости» самой природы человека. Эту «неустойчивость» христианская мысль понимала как следствие повреждения природы человека грехом, а позднее, экзистенциалисты – как отсутствие сущности человека, его детерминацию своим существованием, своим нравственными выборами. Некоторые, подобно А. Камю, и вовсе пришли к выводу об абсурдности человеческой жизни. Советский вариант абсурдности «человеческого, слишком человеческого» с пугающей ясностью и отразил К. Шахназаров в фильме «Город Зеро».

Таким образом, советское общественное сознание оказалось в, своего рода, нравственном тупике, переживание которого лишь усиливалось ощущением социальной несправедливости. Возможно, такое «исчерпание» советского гуманизма, обнаружение его неспособ-

ности выступить предельным нравственным основанием для большинства людей и привело к столь быстрой и радикальной смене нравственных ориентиров в обществе. Вернее даже сказать, их утрате.

Моральный кризис как деструктивная социально-политическая сила

Исследования, проведённые группой сотрудников сектора ИИАЭ ДВО РАН, свидетельствуют об огромном социальном недовольстве в период начала Перестройки [Ващук, 2014; Ковалевская, 2014; Коваленко, 2014; Чернолуцкая, 2014]. Каждый хотел большего, чем обладал к началу преобразований. В массовом сознании активно муссировалась мысль о том, что «...справедливость должна была быть восстановлена». Речь шла не только о социальной справедливости. Фактически сразу же был поднят очень болезненный вопрос о справедливости исторической. Так, в сборнике «Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки» фактически все статьи посвящены восстановлению исторической правды. Например, статья А. Сенина «Соратник Ленина» начинается с фразы «...6 февраля 1988 г. центральные газеты сообщили о восстановлении справедливости в отношении А.И. Рыкова, одного из ближайших соратников В.И. Ленина...». И таких примеров огромное количество [Сенин, 1988, 578].

Итак, совершенно очевидно, что моральный фактор был активной силой в общественном и элитарном сознании эпохи Перестройки. Он возник как ответ на мощный запрос еще советского общественного сознания. Не в последнюю очередь по этой причине первым наиболее заметным изменением Перестройки стала реализация политики гласности, которая, конечно же, управлялась государственными средствами массовой информации, но легла на очень благоприятную почву общего недовольства жизнью советских людей. М.С. Горбачев так обозначил это направление внутренней жизни страны: «Пожалуй, наиболее ярко новая атмосфера проявляется в широкой гласности. Мы стремимся к большей гласности во всех сферах жизни общества. Люди должны знать и хорошее, и плохое с тем, чтобы приумножать хорошее, а с плохим вести борьбу. Именно так и должно быть при социализме» [Горбачев, 1988, www].

В культурной жизни эта политика вылилась в появление произведений, в которых была предпринята попытка нравственной переоценки советского периода. Это такие фильмы, как «Покаяние» режиссёра Т. Абуладзе, «Ночевала тучка золотая» С. Мамилова и др. Газеты и литературные журналы произвели настоящий информационный взрыв, разом высветивший множество «белых пятен» советской истории. Потоки беллетристики и более серьёзной литературы, написанной как современниками, так и уже ушедшими авторами, призывали к освобождению от груза прошлого. Апофеозом стали «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына и «Все течет» В. Гроссмана.

В проводимой внутренней политике власть оказалось моральным банкротом и на региональном уровне. В немалой степени этому способствовала также идеологическая

непродуманность реформ, приведшая к дезориентации номенклатурной элиты. Примером этому может служить официальная позиция власти в отношении творчества А. Солженицына.

Наибольший общественный резонанс на Дальнем Востоке вызвало произведение А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Довольно быстро в общий отдел Приморского краевого комитета КПСС начали приходить возмущённые письма. Так С. Сироткин, обвиняя в беспринципности главного редактора «Нового мира» Залыгина, который собирался опубликовать произведение А. Солженицына исключив «те места, где автор порочит имя В.И. Ленина», в своём письме с возмущением писал «... Почему же мы заигрываем с нечистоплотным человеком. Ни исторической, ни познавательной ценности «Архипелаг» не представляет. Эта работа Солженицына, как и другие – это плевок нам в лицо. Этот господин является ярким антисоветчиком.» . Ответ за подписью заведующего сектором печати, телевидения и радио Приморского крайкома КПСС М. Шинковского представляет собой позицию власти, которая свидетельствует о том, что никто по существу и не знал, что делать со стать противоречивыми тенденциями в обществе. В частности М. Шинковский пишет «... Во многом не разделяю, (позицию Солженицына), считаю, что он откровенный враг социализма. Но разве в том, что он стал таким, нет нашей вины? Вспомните его критику за то, что Вам сейчас кажется неинтересным с точки зрения сегодняшних публикаций. Причем критику бездоказательную, так точки зрения писателя народ в своей массе не знал, ибо не читал его книг. Может быть пора перестать не доверять своему же собственному народу, ведь он сам в состоянии разобраться где правда, а где ложь!».

Развёрнутый вариант этого письма С. Сироткин направил Р.М. Горбачевой. Из ЦК КПСС она было вновь переслано М. Шинковскому. Который справедливо заметил: «Поскольку существо писем представляется мне одинаковым, то наверное, мне нет смысла повторять ещё раз свою точку зрения».

Политика Перестройки сопровождалась проведением многочисленных опросов общественного мнения, часть из которых самой формулировкой проблем, по мнению С.Г. Кара-Мурзы, провоцировало общественное недовольство. Постепенно вектор Перестройки смещался с поиска новых духовных оснований общества на поиски справедливости лично для себя, а вернее, на легитимацию ценностей потребления. Как отметил Кара-Мурза, об уровне обоснованности таких притязаний в стране говорит организация всесоюзного опроса 1989 г. «Мнения об уровне питания», который выявил следующее. Молока и молочных продуктов в среднем по СССР потреблялось 358 кг в год на человека (в США – 263). Но при опросах 44% респондентов ответили, что потребляют этот продукт недостаточно. Более того, выяснилось, что в Армении 62% населения было недовольно своим уровнем потребления молока (480 кг; для сравнения: в Испании – 140 кг.). Таким образом, тезис «я живу плохо, хочу лучше» вне зависимости от того, что реальная жизнь не так уж и плоха, активно внедрялся в сознание [Кара-Мурза, 2002, www].

Заключение

Последовавшие за Перестройкой «лихие 1990-е» сопровождались процессами резкой стратификации общества. Характерно, что и в этих новых условиях шел активный поиск моральных оснований. В качестве таковых становились и нормы уголовного мира – некоторая часть предпринимателей жила «по понятиям». С другой стороны, часть политически активной интеллигенции нашла новые идеалы в ценностях неолберализма (например, партия «Союз правых сил»). Многие граждане, уйдя в стратегии выживания и не найдя внутренней опоры в советском гуманизме (для которого значимым условием выступало определенное, заботливое, отношение общества к человеку), вынесли моральные вопросы «за скобки» своего существования, что в немалой степени способствовало росту правового нигилизма и бытовой преступности. В таких условиях моральный дискурс был заменен дискурсом личной выгоды. Это привело к колоссальным социальным проблемам: российское общество оказалось в состоянии аномии, утратило понятие норм поведения, представление о границах допустимого как в сфере права, так и в сфере экономики. По воспоминаниям одного из управленцев советского периода, «...индивидуализм начал разрушать все вокруг, ...у людей как будто компас сломался, ... все стали друг другу врагами».

Подобные тенденции не преодолены и сейчас [Мельников, 2013, www]. С одной стороны, и обществу, и власти уже совершенно очевидно, что принцип максимизации блага для одного отдельно взятого человека не может служить основой для развития всего общества. Возникшая ностальгия по временам СССР свидетельствует о необходимости социальных ценностей, устанавливающих здоровый баланс личного и общественного интереса. Поэтому в основу новой политики России закладываются патриотизм и другие общенациональные ценности. С другой стороны, нельзя не заметить, что как раз в вопросе о ценностях в современном российском обществе отсутствует консенсус. И что хуже всего ни власть, ни интеллигенция (часть которой вошла в т.н. «креативный класс»), ни даже Церковь пока не могут возглавить процесс поиска общественного консенсуса. Сломанный в Перестройку нравственный компас общества все еще расколот, а значит, никакие макроэкономические показатели не могут гарантировать стабильного развития России.

Библиография

1. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика как российская традиция // *Общественные науки и современность*. 1994. № 3. С. 37-48.
2. Бурлацкий Ф.М. Русские государи: эпоха реформации. Никита Смелый, Михаил Блаженный, Борис Крутой. М.: Шарк, 1996. 512 с.

3. Ващук А.С. Перестройка на Российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современных дальневосточников: надежды на социальную модернизацию и разочарования // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 5-22.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Ист-Вью. 2002. 352 с.
5. Горбачев М.С. Доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 г. М.: Политиздат, 1987. 63 с.
6. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988. URL: www.newchron.ru/prcv/Publ/Gorbachev
7. Из доклада М.С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 г. // Правда. 1987. № 28 (25015), 28 янв. С.1-2.
8. Ильиченко С.Н. Отечественное телевидение постсоветского периода: история, проблемы, перспективы. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей экономики и права (ИВЭСЭП) 2008. 181 с.
9. Кара-Мурза С.Г. Белая книга. Экономические реформы в России 1991-2001. М.: Алгоритм. 2002. URL: <http://mysteriouscountry.ru/wiki/index>
10. Ковалевская Ю.Н. Перестройка в обыденном сознании дальневосточников: тридцать лет спустя // Россия и АТР. 2014. № 4 (86). С. 66-79.
11. Коваленко С.Г. Среднее звено управленческой элиты Приморья в годы перестройки: реакция на местах // Россия и АТР. 2014. № 4 (86). С. 80-93.
12. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
13. Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51-65.
14. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. URL: http://gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/ (дата обращения: 12.04.2015).
15. Материалы Пленума ЦК КПСС, 23 апреля 1985 г. М.: Политиздат, 1985. 31 с.
16. Мельников С. Увечные ценности // Огонек. 2013. № 3. URL: <http://kommersant.ru/doc/2308797>
17. Сагатовский В.Н. Вселенная философа. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 75-76.
18. Сенин А.С. Соратник Ленина // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М.: Высшая школа. 1988. С. 578.
19. Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика. М.: Изд-во «Правда». 1989. С. 65-66.
20. Чернолуцкая Е.Н. «Точка невозврата»: демографическая динамика на Дальнем Востоке СССР в годы перестройки (1985-1991) // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 5-22.

On the importance of moral factors in social and political transformations of the Perestroika period

Svetlana G. Kovalenko

PhD in History,
Social and politics research department,
Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the far-east,
far-eastern branch of the RAS,
690091, 89, Pushkinskaya st., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: ostina@list.ru

Andrei V. Popovkin

PhD in Philosophy,
Department of philosophy,
Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the far-east,
far- eastern branch of the RAS,
690091, 89, Pushkinskaya st., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Abstract

Modern scholarly evaluations of the reasons for the Soviet Union's reforms labeled as Perestroika take into account economic and political factors only. However, those who witnessed Perestroika remember that moral demands and expectations of the society were of comparable importance. The Soviet system in the Perestroika era was facing a crisis which was no less moral than economic. Most contemporary scholars overlook this highly relevant factor. For a more thorough understanding of what exactly Perestroika was, the authors of the paper appeal to the philosophical tradition of analyzing the ethical dimension of policy. The analysis is based on V. Solovyev's idea that moral norms of a society correlate with the principles of political decisions made by its authorities. It is to note that the Soviet society on the threshold of Perestroika was determined rather by the specific "Soviet humanism" than by Marxist ideas. The humanism found expression in pop-music and guitar poetry. The Perestroika crisis was not just that of the Soviet economy and its "Nomenklatura" officials. This was a deep inner crisis of the "Soviet humanism", too. It is critically important for Russia in its current state to understand that. Lacking a consensus on moral norms (especially in regard to public interests vs. personal interests), means lacking solid foundations for sustainable development of state and society.

For citation

Kovalenko S.G., Popovkin A.V. (2017) O znachenii moral'nogo faktora v sotsial'no-politicheskikh transformatsiyakh epokhi perestroika [On the importance of moral factors in social and political transformations of the Perestroika period]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (1A), pp. 129-141.

Keywords

Perestroika, moral philosophy, reforms, socialism, political elite.

References

1. Bessonova O.E. (1994) Razdatochnaja jekonomika kak rossijskaja tradicija [A "giveaway" economy as a Russian tradition]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social studies and modernity], 3, pp. 37-48.
2. Burlackii F.M. (1996) *Russkie gosudari: epokha reformacii. Nikita Smelii, Mihail Blazhen-nii, Boris Krutoi* [Russian rulers: a reformation epoch. Nikita the Brave, Michael the Simple-hearted, Boris the Cool]. Moscow: Shark Publ.
3. Chernoluckaya E.N. (2014) "Tochka nevozvrata": demograficheskaja dinamika na Dal'nem Vostoke SSSR v gody perestrojki (1985-1991) ["Point of no return": Demographical dynamics in the Russian Far-East during Perestroika (1985-1991)]. In: *Rossiya i ATR* [Russian and the Pacific], 4, pp. 5-22.
4. Gorbachev M.S. (1988) *Perestrojka i novoe myshlenie dlja nashej strany i dlja vsego mira* [Perestroika and a new way of thinking for our country and for the whole world]. Available at: www.newchrono.ru/prcv/Publ/Gorbachev [Accessed: 04/04/15].
5. Gorbachev M.S. (1987) *Doklad na sovmestnom torzhestvennom zasedanii CK KPSS, Verhovnogo Soveta SSSR i Verhovnogo Soveta RSFSR, posvjashhenom 70-letiju Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoy revoljucii, v Kremlevskom Dvorce s'ezdov 2 nojabrja 1987 g.* [The report at the joint ceremonial meeting of the CPSU Central Committee and the Supreme Soviets of the USSR and RSFSR dedicated to the 70th anniversary of the Great October socialistic revolution, Kremlin Palace of Congresses, November, 2, 1987]. Moscow: Politizdat Publ.
6. Il'ichenko S.N. (2008) *Otechestvennoe televeshhanie postsovetskogo perioda: istorija, problemy, perspektivy* [Russian TV broadcasting of the post-Soviet period: history, problems, prospects]. Saint Petersburg.
7. Iz doklada M.S. Gorbacheva na Plenum CK KPSS 27 yanvarya 1987 g. [From M. Gorbachev's report at the Plenum of the Central Committee of the CPSU on January, 27 in 1987]. In: *Pravda* [Truth], 28 (25015), 28th Jan, pp.1-2.

8. Kara-Murza S.G. (2002) *Belaya kniga. Jekonomicheskie reformy v Rossii 1991-2001* [The white book. Economic reforms in Russia 1991-2001]. Moscow: Algoritm Publ.
9. Kovalenko S.G. (2014) Srednee zveno upravlencheskoj jelity Primor'ja v gody perestrojki: reakcija na mestah [Mid-ranking administrative elite of Primorye during Perestroika: a reaction at the regional]. In: *Rossiya i ATR* [Russian and the Pacific], 4, pp. 80-93.
10. Kovalevskaya Ju.N. (2014) Perestrojka v obydennom soznanii dal'nevostochnikov: tridcat'let spustja [Perestroika as the Far-East inhabitants see it: thirty years later]. In: *Rossiya i ATR* [Russian and the Pacific], 4, pp. 66-79.
11. Kryshantovskaya O.V. (2005) *Anatomiya rossiskoy elity* [Anatomy of Russia's elite]. Moscow: Zaharov Publ.
12. Kryshantovskaya O.V. (1995) Transformacija staroj nomenklatury v novuju rossijskuju jelitu [Transforming the old nomenklatura into a new elite of Russia]. In: *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social studies and modernity], 1, pp. 51-65.
13. Marks K. *Kapital. Kritika politicheskoy jekonomii* [Capital: Critique of Political Economy]. Available at: http://gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/ [Accessed: 12/04/15].
14. *Materialy Plenuma CK KPSS, 23 aprelja 1985 g* [Materials of the Plenum of the Central Committee of CPSU, April, 23, 1985]. Moscow: Politizdat Publ.
15. Mel'nikov S. (2013) Uvechnye cennosti [Damaged values]. In: *Ogonek* [Little Flame], 3. Available at: <http://kommersant.ru/doc/2308797> [Accessed: 02/04/15].
16. Sagatovskiy V.N. (1972) *Vselennaya filosofa* [A philosopher's universe]. Moscow: Molodaja gvardija Publ.
17. Senin A.S. (1988) Soratnik Lenina [Lenin's comrade]. In: *Stranicy istorii KPSS: Fakty. Problemy. Uroki* [Pages of history of the CPSU: Facts, issues, lessons]. Moscow: Vysshaja shkola Publ.
18. Solov'ev V.S. (1989) *Velikiy spor i hristianskaya politika* [The Great Dispute and Christian Policy]. Moscow: Pravda Publ.
19. Vashhuk A.S. (2014) Perestrojka na Rossijskom Dal'nem Vostoke v sub'ektivnyh izmerenijah sovremennyh dal'nevostochnikov: nadezhdy na social'nuju modernizaciju i razocharovanija [Perestroika in the Russian Far-East in the view of today's inhabitants of the region: hopes for social modernization and disappointment]. In: *Rossiya i ATR* [Russian and the Pacific], 4, pp. 5-22.
20. Veber M. (2002) *Protestantskaja etika i dukh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Moscow: Ist-V'ju Publ.